

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ, ЗАЛОГОВЫХ И МОДАЛЬНЫХ ФОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аверина Анна Викторовна

- e-mail: Anna.averina@list.ru;
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка;
Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Аверина А. В. Функциональная корреляция безличных, залоговых и модальных форм (на материале немецкого и русского языков) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 08.10.2024
- Статья размещена на сайте 12.02.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Сфера безличности](#)

[Функциональная корреляция безличных, залоговых и модальных форм](#)

[Семантика состояния, отношения, оценки, предикаты существования: безличность \(рус. яз.\) → безличность \(нем. яз.\)](#)

[Стихийное действие: безличность \(рус. яз.\) → пассивный залог \(нем. яз.\)](#)

[Диспозиционная, деонтическая, волитивная модальность, пространственно-временная оценка: безличность \(рус. яз.\) → модальные / модализованные глаголы или модализованные конструкции \(нем. яз.\)](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Описание функционального соотношения безличных, залоговых и модальных форм в немецком и русском языках.

Процедура и методы. 200 примеров, отобранных из Национального корпуса русского языка и из корпуса DWDS. Посредством описательного метода была дана характеристика различных типов безличных предложений в немецком и русском языках; сопоставительный метод позволил выявить специфику немецкого и русского языков при выражении семантики состояния, отношения, оценки, стихийных действий и корневых модальных значений; посредством метода компонентного анализа была выявлена корреляция безличности, залоговости и модальности.

Результаты. В процессе исследования были составлены и описаны следующие типы корреляций: 1) семантика состояния, отношения, оценки, предикаты существования: безличность (рус. яз.) → безличность (нем. яз.); 2) стихийное действие: безличность (рус. яз.) → пассивный залог (нем. яз.); 3) диспозиционная, деонтическая, волитивная модальность: безличность (рус. яз.) → модальные / модализованные глаголы или конструкции (нем. яз.).

Теоретическая и практическая значимость. Публикация вносит определённый вклад в развитие концепции межкуатегориальной взаимосвязи безличных, модальных и залоговых значений. Полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения курса «Сравнительная типология немецкого и русского языков».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

безличность, модальность, залоговость, функциональное соответствие, семантика безличности

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы межкуатегориального взаимодействия всегда были в центре внимания грамматистов (см., например, в этой связи исследования А. В. Бондарко [4], Ю. А. Пупынина [14], И. В. Недялкова [12], В. Н. Ярцевой [17], В. Барч [20], Э. Лайсс [22], В. Абрахама [17; 18] и др.). Межкуатегориальные связи возникают в результате взаимодействия лексики и грамматики, морфологии, синтаксиса и контекста, в определённой степени

их можно рассматривать как результат диахронных изменений и преобразований грамматических категорий. Выражение категориальных значений не ограничивается использованием лишь одной какой-либо грамлемы. Как справедливо отмечает В. Н. Ярцева, «категориальные понятия одушевлённости и неодушевлённости, активности деятеля и пассивности реципиента действия во многих языках передаются при сочетании лексических, морфологических и синтаксических приёмов» [17, с. 22]. Представляют несомненный интерес исследования категорий, далеко стоящих друг от друга. В контрастивном аспекте анализ вопросов такого рода зачастую позволяет выявить функциональную корреляцию грамлем разного типа, которую М. Л. Котин обозначает термином «категориальная конвергенция» [9]. Так, например, в исследованиях В. Абрахама [18], Э. Лайсс [22], М. Л. Котина [9; 21] раскрывается функциональное соответствие грамматических форм, кодирующих модальные, временные и аспектуальные значения в различных типах языков. Э. Лайсс показывает, что семантика грамлем русского совершенного вида в немецком языке компенсируется посредством использования артикля. В этой связи она приводит следующие примеры:

- (a) Он колот дрова / Er hat Holz gespalten;
- (b) Он расколол дрова / Er hat das Holz gespalten [22].

Определённый артикль в (a), использованный в позиции ремы, указывает на определённое количество, на основании чего аспектуально двузначный предикат получает интерпретацию как предельный, в то время как отсутствие артикля в (b) позволяет интерпретировать предикат как неопределённый.

В. Абрахам показывает тесную взаимосвязь модальности и аспектуальности. По его наблюдениям, корневая модальность (значение деонтичности, т. е. долженствования, и волитивности, т. е. волеизъявления) коррелирует с перфектностью, в то время как некорневая модальность (эпистемичность, т. е. значение предположения) соотносится с имперфективностью, что можно проследить на примерах из немецкого языка:

- (a) Paul muss_i [VP Arzt werden t_i] ... [+telisch, +DMV/+EMV];
- (b) Paul muss_i [VP Arzt sein t_i] ... [-telisch, -DMV/+EMV] [19, с. 41].

По предварительным наблюдениям автора публикации, безличные формы русского языка коррелируют с безличными, залоговыми и модальными грамлемами немецкого языка.

Описание этих корреляций позволит объяснить факторы, обуславливающие увеличение количества безличных конструкций в русском языке, с одной стороны, и распространённость модальных глаголов и пассивного залога в немецком языке, с другой стороны. Этим определяется **актуальность** исследования.

Цель данной публикации заключается в описании функционального соотношения безличных, залоговых и модальных форм в немецком и русском языках. **Задачи** исследования заключаются в следующем: 1) рассмотреть различные подходы к трактовке безличности в германистике и русистике; 2) сопоставить семантику безличных конструкций немецкого и русского языков; 3) определить условия функциональной корреляции безличных форм русского языка с залоговыми и модальными конструкциями в немецком языке.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит определённый вклад в развитие концепций, в которых рассматриваются вопросы межкуатегориальных связей в грамматике. **Практическая значимость** исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на семинарских занятиях по сопоставительной типологии немецкого и русского языков, а также по теоретической грамматике немецкого языка.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили примеры, отобранные из Национального корпуса русского языка, а также из корпуса DWDS. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. При работе с фактическим материалом были использованы следующие методы: описательный, сопоставительный методы и метод компонентного анализа. Посредством описательного метода была дана характеристика различных типов безличных предложений в немецком и русском языках. Сопоставительный метод позволил выявить специфику немецкого и русского языков при выражении семантики состояния, отношения, оценки, стихийных действий и корневых модальных значений. Использование метода компонентного анализа позволило выявить корреляцию безличности, залоговости и модальности.

СФЕРА БЕЗЛИЧНОСТИ

Исследованию безличности в русском языке посвящено огромное количество публикаций: Е. М. Галкиной-Федорук [5], П. А. Леканта [10], Е. В. Зарецкого [7], А. В. Петрова [13], О. А. Сулеймановой [16], П. Д. Меняевой и Н. П. Курмакаевой [11] и других исследователей. В них поднимаются такие вопросы, как структура и семантика безличных предложений в современном русском языке, категориальные признаки безличности на грамматическом и семантическом уровнях языковой системы, степени безличности языковых единиц. Безличные конструкции немецкого языка освещались в работах В. Г. Адмони [2], О. И. Москальской [23], И. И. Ревзина [15], Н. С. Бабенко [3] и других исследователей. В сопоставительном аспекте безличные конструкции проанализированы в работе И. В. Недялкова [12]: он рассматривает полевые структуры английских и русских безличных конструкций, их центр и периферию и показывает, что русским безличным конструкциям в английском языке в большинстве своём соответствуют личные.

Обозначим прежде всего сферу безличности: она может пониматься в широком и узком смысле слова. В строгом (узком) смысле безличность включает в себя исключительно безличные глаголы, обозначающие явления природы и имеющие окончание 3-го лица. Такую интерпретацию мы находим в работе О. И. Москальской: в моделировании синтаксических структур она выделяет три группы формально двучленных предложений:

- бессубъектные предложения с обязательным первым компонентом *es*, который остаётся и при инверсии, например: *Es brennt! Es sieht nach Regen aus. Es bedarf keinen Dankes.*

- Предложения с демо-агентом, указывающие на лицо и содержащие факультативное местоимение *es*, например: *Es fröstelte ihn.* С семантической точки зрения для этого типа предложений характерна неактивность субъекта.

- Бессубъектные пассивные конструкции с компонентом *es*. *Es wurde die ganze Nacht marschiert.* По мнению О. И. Москальской, отсутствие субъекта в предложениях данного типа ещё не означает, что они являются безличными: агент присутствует, но он не назван потому, что необходимо выделить процесс [23, с. 239–241].

Схожее понимание безличности изложено в работе Дж. Почепцова [25].

Более широкая интерпретация безличности имеет место в работах В. Г. Адмони [2], И. И. Ревзина [15], Н. С. Бабенко [3] и других исследователей. В. Г. Адмони относит предложения типа *mich friert / mir war alles lieb* к безличным, а основным содержанием безличных конструкций считает выражение состояния: «выражение состояния прилагательным в качестве именного члена сказуемого при глаголе существования соединяется здесь с выявлением подлинного носителя состояния в форме косвенного дополнения, стоящего в дательном падеже» [2, с. 152], – при этом он отмечает, что безличные конструкции в немецком языке имеют меньший удельный вес с точки зрения выражения состояния, чем в русском [2, с. 154]. И. И. Ревзин обращает внимание на то, что любое личное высказывание в немецком языке может быть превращено в безличное, если имеется возможность устранить представление о деятеле, а условие устранения – «непереходность глагола, т. е. замкнутость действия на самом себе» [15, с. 225]. Для безличных конструкций характерно сужение валентности: «Внимание не должно рассеиваться на окружающие глагол слова, а концентрироваться на факте устранения субъекта» [15, с. 226]. Предложения с глаголами, выражающими внутренние ощущения человека, когда субъект пассивен и выражен дательным и винительным падежом, он также относит к безличным [15, с. 228]. В. Г. Адмони обращает внимание на следующее различие между бытийными и безличными предложениями: в бытийных предложениях конкретный предмет или явление определяется самой общей формой бытия, в то время как в безличных конкретным характером обладает форма бытия, а «обобщённо неопределённый характер свойственен «производителю» этой формы бытия, который чаще всего выражается здесь в форме безличного номинативного *es*, создающего полную структурную двусоставность предложения» [15, с. 192].

Широкое понимание безличности имеет место фактически во всех работах, посвящённых исследованию этого вопроса на материале русского языка, а также в большинстве исследований на материале других языков. Так, например, Е. М. Галкина-Федорук относит к безличным предложения, выражающие психофизическое состояние живого существа (например, *Меня знобит*), волю человека или его стремления, желания и несущие функцию воздействия на других людей (например, *следует сказать*) [5]. Аналогичную интерпретацию мы находим в рабо-

тах О. А. Сулеймановой [16], А. В. Петрова [13], П. А. Леканта [10], Е. В. Зарецкого [7] и других исследователей. Основной аргумент в пользу того, что предложения такого рода надо считать безличными, заключается в том, что безличность как таковая всегда позволяет отразить независимость состояния или процесса от самого субъекта, т. е. сам субъект неактивен. Как отмечает А. В. Петров, семантико-грамматическая категория безличности «выражает представления о свойствах внеязыкового мира как о неподдающихся контролю со стороны говорящего, не подчиняющихся его воле и проявляющихся как стихия, формируемая действием некой непознаваемой силы» [13, с. 6], т. е. в тех случаях, когда субъект находится в форме косвенного падежа, выполняя семантическую роль экспериенсера, речь идёт о безличности. А. В. Бондарко, комментируя предложения типа *Мне грустно. Ему не понять*, отмечает, что «субъект состояния» сопряжён здесь с объектной интерпретацией, исходящей от формы прямого дополнения с её значением субстанции, зависимой от действия, выраженного глаголом-сказуемым» [4, с. 654].

Безличность не ограничивается сферой употребления безличных глаголов (*Смеркается*): как пишет Е. М. Галкина-Федорук, безличные предложения могут быть образованы как от безличных, так и от личных глаголов (например, *Ветер воет в трубе – В трубе воет*) [5]. В языке гораздо больше именно личных глаголов, а не безличных.

В данной публикации сфера безличности понимается широко: к безличным конструкциям относятся предложения не только с глаголами, обозначающими явления природы (*Смеркается* (рус.). *Es dämmt* (нем.)), но и с глаголами, обозначающими психофизическое состояние человека в сочетании с субъектом, имеющим форму косвенного падежа (*Es ist mir eine Ehre* (нем.); *Мне жаль* (рус.)), поскольку при описании состояний такого рода лицо выступает в роли экспериенсера, а его состояние не контролируется им.

Безличные предложения были свойственны ещё индоевропейскому языку. В своём исследовании Е. В. Зарецкий пишет о том, что существовавшие ещё в индоевропейском языке безличные конструкции служили для обозначения неволевых, неконтролируемых, спонтанных, вынужденных действий и состояний [7, с. 36]. В современном русском языке, как отмечает Е. В. Галкина-Федорук, количество безличных предложе-

ний «неудержимо растёт» [5, с. 320], аналогичное наблюдение содержится и в монографии А. В. Петрова [13]. Иная ситуация имеет место в немецком языке: по наблюдениям И. И. Ревзина, в истории развития немецкого языка целый ряд безличных конструкций заменяют личные. Так, например, в средневерхненемецкий период возможна была лишь конструкция *mir troumet*, и только с XVIII в. появляется *ich träume*. Ещё у Гёте и Гейне обе конструкции употребляются параллельно. И. И. Ревзин приводит в качестве примеров следующие высказывания:

(1) *Mir träumelte neulich, als stünde ich vor einem Spiegel* (J. W. Goethe. Dichtung und Wahrheit);

(2) *Ich träume nicht, ich wähne nicht. Nahe am Grabe wird es mir heller.* (J. W. Goethe. Die Leiden des jungen Werthers).

Аналогичный процесс наблюдается в паде *es verlangt mich* и *ich verlange* [15, с. 228–229].

Нуждается в конкретизации и уточнении вопрос о том, какие грамматические формы немецкого языка коррелируют с безличными конструкциями в русском языке. В данном случае считаем целесообразным исходить из семантических типов безличных предложений русского языка, поскольку они включают в себя более широкий спектр значений. Остановимся на этом вопросе подробнее.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ, ЗАЛОГОВЫХ И МОДАЛЬНЫХ ФОРМ

В исследованиях в области современного русского языка показано, что безличность на синтаксическом уровне проявляется «как бесподлежащность, на морфологическом уровне как выражение сказуемого специализированной безличной формой, на семантическом уровне как независимость действия или состояния, обусловленная неактивностью субъекта» [13, с. 64]. А. В. Петров выделяет три центральных семантических признака, формирующих общую семантику безличности: неактивность субъекта, независимость действия или состояния и неопределённость выражаемой безличным предложением ситуации. Неактивность субъекта предполагает произвольность, неконтролируемость, безотчётность действия или состояния субъекта, для которого характерно отстранение субъекта от действия или состояния. Независимость действия или состояния характеризуется их инволютивностью, стихийно-

стью, природностью. Неопределённость выражаемой безличным предложением ситуации создаёт её неизвестность, неосознанность, нереальность, поскольку не обозначен источник её существования [13, с. 49–50].

Для установления корреляции безличных, залоговых и модальных форм мы воспользовались семантической классификацией безличных предложений, составленных А. В. Петровым [13]. В ней он выделяет следующие типы безличных предикатов русского языка по семантике:

1) безличные предложения с предикатами *стихийного действия*, выражающие воздействие стихийной силы непосредственно на объект, произвольные процессы, деформирующие предмет, активное действие неопределённого деятеля, воспринимаемое как стихийное;

2) безличные предложения с предикатами *состояния*, выражающие состояние природы и окружающей среды, психофизическое состояние субъекта, состояние, связанное со склонностью субъекта к тому или иному действию;

3) безличные предложения с предикатами *отношения*, выражающие отношения, связанные с физическим восприятием окружающей среды, ментальное (интеллектуальное) или эмоциональное отношение к фактам действительности, временную и пространственную характеристику фактов действительности, отношение к ситуации, связанной с определённым объектом, а также отношение к объективно сложившейся (складывающейся) ситуации как к результату предпринятых (предпринимаемых) действий;

4) безличные предложения с модальными предикатами, выражающие *модальность возможности, необходимости, целесообразности или желательности*;

5) безличные предложения с предикатами *оценки*, выражающие общую, сенсорную, пространственно-временную или рациональную оценку;

6) безличные предложения с предикатами *существования*, выражающие состояние окружающей среды, психофизическое состояние субъекта или безлично-модальную семантику [13].

Не все перечисленные значения, выражаемые безличными предложениями русского языка, могут быть переданы безличными структурами в немецком языке. Немецкий язык располагает развитой системой модальных глаголов, в семантике некоторых из них уже заложена пассивность субъекта (напри-

мер, *dürfen* или *sollen*), что не характерно для русского языка. Ещё одна особенность немецкого языка заключается в распространённости пассивных конструкций [22]. Анализ семантики русских безличных конструкций русского языка, предложенных в работе А. В. Петрова [13], и их функциональных аналогов в немецком языке позволил составить следующие типы корреляций граммем:

I. Семантика состояния, отношения, оценки, предикаты существования: безличность (рус. яз.) → безличность (нем. яз.);

II. Стихийное действие: безличность (рус. яз.) → пассивный залог (нем. яз.);

III. Диспозиционная, деонтическая, волитивная модальность: безличность (рус. яз.) → модальные / модализованные глаголы или конструкции (нем. яз.).

Остановимся подробнее на каждом из обозначенных типов.

СЕМАНТИКА СОСТОЯНИЯ, ОТНОШЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ПРЕДИКАТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ: БЕЗЛИЧНОСТЬ (РУС. ЯЗ.) → БЕЗЛИЧНОСТЬ (НЕМ. ЯЗ.)

Состояние природы и окружающей среды в русском языке передаётся безличными глаголами с нулевой валентностью:

(3) *Эх, плох ты, плох, благовещенский дед! Уж и смеркается: здесь это сразу*¹.

В роли предиката могут выступать наречия или причастия, в высказываниях такого рода зачастую присутствуют показатели места:

(4) ***В животе тепло, в голове легко, во рту – приятнейший вкус***².

(5) *Теперь по покраске. **Сделано просто здорово***³.

Схожие по структуре конструкции для передачи состояния природы, объектов и окружающей среды, а также для обозначения существования используют и в немецком языке, сравним:

(6) ***Es dümmerte, die letzten Familien verließen den Park***⁴.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

(7) **Es donnert, wackelt und grollt**⁵.

(8) *In den Gebirgsausläufern ist es warm, in den Ebenen heiß und schwül*⁶.

(9) *Nach einer Frage sagt sie oft: „Muss ich nachdenken“ - später, beim Abschreiben, **rauscht es** lange auf dem Bandgerät, bis die Antwort kommt*⁷.

(10) **Es gibt** viele schöne Ecken, viele Cafés und gute Restaurants⁸.

В приведённых высказываниях *es* выступает как обязательный компонент и не может быть опущен в случае, если первую позицию занимает обстоятельство места, как в (8), или времени – (9). В отличие от безличных предложений русского языка немецкие предложения, обозначающие явления природы, двусоставны. Как отмечает В. Г. Адмони, тенденция немецкого языка к двусоставности обуславливает выражение безличности в обычной форме предложения с номинативным подлежащим [2, с. 110].

Тот факт, что для выражения семантики состояния в немецком языке используют безличные конструкции, подтверждает и анализ параллельного корпуса. Так, например, из 100 отобранных примеров в 92 случаях безличные конструкции русского языка переводились на немецкий язык посредством использования безличных конструкций, в остальных 8 случаях был сделан описательный перевод:

(11) *Век буду я плакаться на злых людей, меня погубивших! **Смеркается**. Пора за работу* (Ф. М. Достоевский. «Бедные люди»)

(11') *Mein Leben lang werde ich unter Tränen die Menschen anklagen, die mich zugrunde gerichtet haben. Diese schrecklichen Menschen! **Es dunkelt schon**. Es ist Zeit, dass ich mich wieder an die Arbeit mache* (übersetzt von E. K. Rahsin)⁹.

(12) В декабре **смеркается** рано, и когда девочка в начале шестого вышла на улицу, было уже совсем темно. (А. Маринина. «Украденный сон»).

⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

(12') Im Dezember waren die Tage kurz, als Nadja nach fünf Uhr die Wohnung der Freundin verließ, war es draußen bereits völlig dunkel (übersetzt von N. Wodin)¹⁰.

И. И. Ревзин обращает внимание на существование ещё одного типа безличных предложений с обязательным компонентом *es*, в котором функционируют личные глаголы. В данном случае, как он отмечает, существует потребность выделения «аспекта существования коммуникативного фактора, как бы независимого от субъекта; субъект при этом обязательно выражен с помощью предложной группы» [15, с. 229]:

(13) *Es summt in mir, als würde der Lobgesang sich fortsetzen* (J. Becher).

(14) *Da haben wir es ja, frohlockte es boshaft in mir* (J. Becher).

(15) *Da warf der Oberst die Mappe auf den Tisch: in seinen Augen glommt es gefährlich auf* (D. Noll) (примеры И. И. Ревзина [15, с. 229]).

В данном случае *es* указывает, что «причиной действия являются нечто определённым образом локализованное (внутри субъекта, но независимо от него)» [15, с. 229].

Безличные предложения с предикатами оценки в русском языке (*Хорошо жить, Плохо болеть, Темно ехать, Мука видеть его, Недолго ждать, Далеко идти*) в качестве эквивалентов в немецком языке также имеют безличные структуры, например:

(16) *Es ist gut zu wissen, dass in Deutschland vergleichsweise weniger am Sonntag gearbeitet wird als in manchen anderen Ländern*¹¹.

Психофизическое состояние субъекта в немецком и русском языках передают предложения, в которых местоимение, обозначающее испытывающий состояние субъект, имеет форму дательного или винительного падежа, например:

(17) *Bruno betrachtet das Kind ja nur als Paket, es ist ihm gar nicht bewusst, dass es ein Mensch ist*¹².

(18) *Mich fröstelte*¹³.

(19) *Ihm wird es kein Trost sein, dass der von der DFL neu ausgewählte Pay-TV-Partner Arena die Bundesligaspiele zu einem günstigeren Preis als Premiere anbieten will*¹⁴.

¹⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

¹¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

(20) *Und irgendwie hat sich alles, was mir angenehm ist, von selbst ergeben*¹⁵.

(21) *Японец сидел за партой, поджав под себя посиневшие босые ноги. Его трясло и корчило*¹⁶.

(22) – *Мне ведь тоже плохо, – пожаловался он тихо, – очень мне плохо*¹⁷.

Субъект в данном случае испытывает состояние, которое не зависит от него самого (см. также [16]). А. В. Бондарко, характеризуя предложения данного типа, пишет о носителе предикативного признака: речь идёт о подлежащем или других синтаксических единицах, выполняющих функцию «предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантический субъект (в пассивных конструкциях – объект), выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак» [4, с. 647]. Как он отмечает, в предложениях данного типа субъектность сопряжена с элементом объектности, связанной с безличной конструкцией с косвенным дополнением [4, с. 653]. В. Г. Адмони, анализируя высказывания типа (17)–(19), предлагает говорить об особом логико-грамматическом типе предложения, выражающем внутреннее состояние [2, с. 114].

В немецком языке в предложениях данного типа может быть использован факультативно компонент *es*, например:

(23) *Sollen sie alle reden, es ist mir egal*¹⁸.

В. Г. Адмони пишет о «смутной» субъектности подлежащего *es* и отмечает его формальный характер, основная функция его при этом заключается в структурировании порядка слов [2, с. 111]. Заслуживают внимания его наблюдения над употреблением *es* в двусоставных предложениях типа (24) *Es waren einmal zwei Frauen, die hatten viele Gemeinsamkeiten*¹⁹. В данном случае *es* не только создаёт характерный для повествовательного предложения порядок слов, но и способствует тому, что глаголы получают полную предикативность [2, с. 112]: предложение *Zwei*

¹⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

¹⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

¹⁹ Там же.

Frauen waren einmal логически невозможно из-за семантико-синтаксических свойств глагола *sein* [там же].

Состояние, связанное со склонностью субъекта к тому или иному действию, в русском языке передаётся безличной конструкцией с дательным субъекта и глаголом с возвратной частицей *-ся*, например:

(25) – *Von ne weiß ich warum – je kälter, desto **mir** geht es leichter*²⁰.

А. М. Пешковский обращает внимание на то, что «в огромном большинстве случаев» безличные конструкции с дативом субъекта приобретают «особый оттенок лёгкости действия (мне говорится = мне легко говорить)» (цит. по: [17, с. 177]).

В немецком языке в данном случае также могут быть использованы возвратные глаголы с обязательным компонентом *es* в предложении:

(26) *Es macht sich bemerkbar, dass Lula, bevor er Präsident wurde, nie Regierungserfahrung gesammelt hat*²¹.

(27) *Es atmet sich leicht in der hohen Luft, man saugt Lebensgewissheit und Unbeschwertheit der Seele in sich*²².

И. И. Ревзин пишет о замкнутости внутренних ощущений «в сфере субъекта» применительно к предложениям такого типа [15, с. 226].

Временная и пространственная характеристика фактов действительности (*До дому далеко, Ещё слишком рано*) в немецком языке также передаётся посредством использования безличных конструкций с *es*:

(28) *Daheim anrufen, sofort, nein, das geht nicht, es ist zu früh, diese Nacht wird auch ihren Tribut gefordert haben*²³.

Таким образом, о структурном соответствии безличных предложений можно говорить в том случае, если речь идёт о семантике состояния, отношения, оценки или о значении существования. В немецком языке сохраняется двусоставность предложения за счёт использования *es*, что нехарактерно для русского языка. *Es* является обязательным не только в безличных предложениях с предикатами, обозначающими явле-

²⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

²¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

²² Там же.

²³ Там же.

ния природы, но и в высказываниях, содержащих предложную группу с субъектом.

СТИХИЙНОЕ ДЕЙСТВИЕ: БЕЗЛИЧНОСТЬ (РУС. ЯЗ.) → ПАССИВНЫЙ ЗАЛОГ (НЕМ. ЯЗ.)

Безличные конструкции русского языка способны передавать воздействие на объект стихийной силы. Как отмечает А. В. Петров, в высказываниях такого типа стихийная сила может деформировать предмет, сам деятель при этом может быть указан, а может быть опущен [13]. Рассмотрим примеры:

(29) *Через ерики не пройдёт мотоцикл. Там круто и **развезло** теперь. – Не пройдёт, – подтвердил Яков*²⁴.

(30) *А мостовая была когда-то – булыжная – но её затащило истолчённым в пыль песком и **разбило** потоками, низвергающимися здесь в каждый дождь*²⁵.

(31) ***Затрещало** в трубе, мы закрыли дверцу, и в печке уютно загудело*²⁶.

В (31) глагол является непереходным, в (29) и (30) глагол переходный, а один из актантов использован в творительном падеже. М. Гиро-Вебер обращает внимание на то, что денотат актанта в творительном падеже всегда неодушевлённый, обозначает стихийное действие или его последствия, а также действия механического орудия. Неизвестная сила может быть эксплицитно названа, а может быть восстановлена по контексту. При этом «актант, о котором идёт речь, не может претендовать на статус агенса, поскольку его денотат всегда неодушевлённый и он неспособен контролировать действие глагола. С формальной точки зрения этому актанту не свойственны коореференты связи предложения. Всё это отличает его от агенса пассивной конструкции» [6, с. 342]. Таким образом, семантика предиката и свойства актанта в творительном падеже определяют существенное различие между безличной конструкцией в активном залоге и пассивным залогом в русском языке.

В немецком языке стихийные действия передают конструкции с пассивным залогом. Как правило, одночленный (безличный) пассив образуют от непереходных глаголов, например:

²⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

(32) *Es wird geschrien und gequitscht, es wird im Großen und Ganzen mächtig auf den Putz **gehauen***²⁷.

Переходные глаголы немецкого языка, обозначающие воздействие стихийной силы, используют в пассивном залоге: они образуют двучленный пассив, например:

(33) *Die tagelangen Unwetter trieben über 314000 Menschen in die Flucht, 34000 Häuser **wurden zerstört oder beschädigt***²⁸.

(34) *Ein Autokran stand zum Zeitpunkt des Unglücks mit den Führerhaus unter dem 760 Tonnen schweren Brückenteil und **wurde zerquetscht**, als navigation / es darauf stürzte*²⁹.

(35) *Leben **wird zerbrochen**, ohne die leiseste Schuld der Betroffenen*³⁰.

По наблюдениям Е. В. Зарецкого, распространённость в русском языке безличных конструкций можно считать дополнительным функциональным соответствием более широкому употреблению пассива в английском [17, с. 165]. Аналогичная ситуация имеет место и в случае с немецким языком, хотя, как уже было показано в предыдущем параграфе, безличные конструкции в немецком языке также довольно распространены. По всей видимости, применительно к немецкому языку можно говорить о распространённости пассивных конструкций, если речь идёт о воздействии на предмет стихийной силы. Это подтверждают и данные параллельного корпуса: все отобранные примеры с безличными конструкциями русского языка с семантикой стихийной силы переводятся на немецкий язык посредством использования *Passiv* или *Zustandspassiv*:

(36) *Города, где она проживала, **были разрушены** с неистовой яростью, все покривилось и повалилось, крапивой заросли пожара, — человек жил под одной рогожкой (А. Н. Толстой. «Гадюка»)*

(36') *Die Städte, in denen sie gelebt hatte, waren in rasender Wut zerstört worden, die Brandstätten waren von Nesseln überwuchert — der Mensch mußte sich gewissermaßen mit einer Bastmatte begnügen (übersetzt von M. Steim)*³¹.

²⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

(37) Князь Андрей подъехал к оранжерее; стекла **были разбиты**, и деревья в кадках некоторые повалены, некоторые засохли (Л. Н. Толстой. «Война и мир»)

(37') *Fürst Andrej ritt an die Gewächshäuser heran: die Scheiben waren eingeschlagen, einige von den Bäumen in den Kübeln umgeworfen, andere vertrocknet.* (übersetzt von Hermann Röhl)³².

В работах Э. Лайсс [22] и Ю. М. Казанцевой [8] объясняется причина распространённости пассивных конструкций в немецком языке. Так, Э. Лайсс пишет, что функция пассивного залога заключается в том, чтобы употребить патиенс, т. е. определённый объект, над которым совершается действие, в начальной позиции³³ [22, s. 101]. Ю. М. Казанцева рассматривает функционирование залоговых форм как одно из средств варьирования структуры предложения: по её наблюдениям, залог является дискурсивной синтактико-морфологической категорией, позволяющей говорящему варьировать коммуникативную структуру высказывания, поскольку в позицию темы может быть выдвинут либо агенс, либо патиенс, либо само действие [8]. В случае с двучленным пассивом в позицию темы выдвигается патиенс, а его начальная позиция позволяет подчеркнуть, что именно на данный объект осуществляется воздействие стихийной силы³⁴. Это позволяет предположить, что формирование пассивного залога и его распространённость в немецком языке обусловлены прежде всего фиксированным порядком слов и необходимостью использовать патиенс в инициальной позиции.

Таким образом, можно говорить о корреляции пассивного залога в немецком языке и русского безличного предложения,

³² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

³³ В оригинале: Die Funktion des Passivs ist es, ein definites Patiens in privilegierter syntaktischer Position zu realisieren ... Beim Passiv wird das Patiens définit gesetzt und das Agens in rhematischer Stellung zum Ausdruck gebracht oder ganz weggelassen. Das Rhema ist durch die Merkmale der Unbekanntheit und Indefinitheit charakterisiert. Das Passiv hat nicht die Funktion, ein indefinites Agens zu ermöglichen; es soll vielmehr ein definites Patiens in der syntaktisch privilegierten Position einsetzen helfen [22, s. 101].

³⁴ Более подробно о функции первого места в немецком предложении пишет В. Г. Адмони, выделяя три основные: 1) функция выражения логической последовательности в развёртывании предложения; 2) функция выражения связи между данным предложением и предшествующей речью (или с контекстом); 3) выделение, подчёркивание того понятия, которое выражено в этом члене предложения [2, с. 374–375].

если в высказывании передаётся воздействие на объект стилистической силы.

ДИСПОЗИЦИОННАЯ, ДЕОНТИЧЕСКАЯ, ВОЛИТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА: БЕЗЛИЧНОСТЬ (РУС. ЯЗ.) → МОДАЛЬНЫЕ / МОДАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАГОЛЫ ИЛИ МОДАЛИЗОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ (НЕМ. ЯЗ.)

Широко распространённые безличные конструкции русского языка обладают способностью передавать целый спектр корневых³⁵ модальных значений. Как отмечает А. В. Петров, безличные предложения с модальными предикатами могут выражать модальность возможности, необходимости, целесообразности и желательности [13]. Рассмотрим примеры:

(38) *Такого искреннего и исключительно талантливого актёра невозможно заменить никем другим*³⁶.

(39) *Её следует сделать более эффективной, чтобы впредь не возникало необходимости её дублирования «специальным» законодательством*³⁷.

(40) *Ведь, на самом деле, стоит спросить у кого-нибудь: какой фильм тебе нравится больше других?*³⁸

(41) *Мне было лень идти на стоянку и сметать снег с машины*³⁹.

(42) – *А мне можно будет на балконе курить?*⁴⁰

В (39) и (40) находит проявление деонтическая модальность, в (41) – волитивная, в (36) – алетическая, в (38) и (42) – диспозиционная.

Как видно из приведённых высказываний, для высказываний такого рода характерно использование форм инфинитива. Е. В. Зарецкий отмечает, что «инфинитив, будучи нефинитной формой, употреблялся для выражения всего, что должно, мо-

³⁵ Термины «корневая модальность» и «некорневая модальность» принадлежат Ф. Палмеру [24]. К корневым модальным значениям относят те, которые модализуют пропозицию (волеизъявление, необходимость, объективно существующая возможность). К некорневым модальным значениям относят эпистемичность.

³⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

жет или могло бы быть (модальные значения), в то время как финитные формы употреблялись для выражения того, что есть и было на самом деле» [7, с. 242].

В немецком языке передача данных значений возможна посредством использования модальных глаголов. В одной из более ранних работ автора [25] было показано, что безличным конструкциям русского языка с модальным значением с дательным субъекта состояния (типа *мне надо, мне можно*) в немецком языке в большинстве случаев соответствуют двусоставные предложения с модальными глаголами, в семантике которых заложена пассивность субъекта. Как правило, в этой функции выступают модальные глаголы *sollen* и *dürfen*: в случае с *sollen* передаётся значение деонтичности, говорящий подчинён внешним обстоятельствам (правилам, нормам, принципам морали); в случае с *dürfen* значение диспозиционной модальности, т. е. разрешения, предполагает, что субъект предложения пассивен и реализация его дальнейших действий зависит от решения 3-го лица, например:

(43) *Der Betreuer von Amazon wechselt regelmäßig, er soll gar keine tiefere Beziehung mit den Kunden eingehen*⁴¹.

(44) *Er darf nicht den einen Schritt zu weit gehen, der den Amerikanern praktisch keine Wahl lässt, als militärisch zu reagieren*⁴².

При переводе русских безличных конструкций с дательным субъекта с семантикой долженствования может быть использован глагол *müssen* или глаголы *scheinen*, *brauchen* с инфинитивом. Рассмотрим примеры из параллельного корпуса:

(45) *Они были свободны. – Оля, мне **нужно** дождаться Антона. – Светлана взяла меня за руку* (С. Лукьяненко. «Ночной дозор»).

(45') *Sie waren frei. » Olga, ich muss noch auf Anton warten. « Swetlana ergriff meine Hand* (übersetzt von Chr. Pöhlmann)⁴³.

(46) – *Вешки не ставят на дорогах ... Никому не **нужно**...* (В. Соколин. «Метель»).

(46') *Wieso stellen die keine Stangen an die Straße ... Keiner scheint es nötig zu haben, weder das Wegeamt noch die Wald- und Feldhüter...* (übersetzt von Andreas Tretnner)⁴⁴.

⁴¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴² Там же.

⁴³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

⁴⁴ Там же.

В случае, если речь идёт о разрешении, преобладает глагол *dürfen*, хотя *können* не исключен:

(47) – Джуффин, **можно мне** ещё раз зайти в эту комнату? (М. Фрай. «Чужак»).

(47') *Sir Juffin, darf ich noch mal kurz ins Schlafzimmer?* (übersetzt von Anna Serafin)⁴⁵.

(48) Он вздохнул и спросил: – **можно мне** взять свою галеру? (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. «Волны гасят ветер»).

(48') *"Kir seufzte und fragte: „Kann ich meine Galeere holen?“* (übersetzt von E. Simon)⁴⁶.

Безличные предложения русского языка, выражающие отношения, связанные с физическим восприятием окружающей среды (например, *видно, слышно, заметно*), в немецком языке передаёт модальный глагол *können*, например:

(49) **Man konnte nicht hören**, was der ARD-Reporter ins Mikrofon sprach, der Ton war gerade ausgefallen, aber wahrscheinlich sagte er, dass bei dem schlechten Wetter nur sehr wenige gekommen waren, um sich die Sondersendung zur Wahl des Bundespräsidenten auf dem großen Monitor anzusehen⁴⁷.

Безличные предложения русского языка, в составе которых есть предикаты существования, выражающие состояние окружающей среды (*Нет шума, Ни звука = Тихо*), психофизическое состояние субъекта (*Нет сна = Не спится, Не появилось радости = Печально*), безлично-модальную семантику (*Не хватает людей = Невозможно что-либо сделать, Не возникает желания = Не хочется что-либо делать*) [13], в немецком языке имеют соответствия с формой *sein + zu + Infinitiv*, обладающей модализованным значением и имеющей пассивное значение, например:

(50) **Nichts ist zu hören**, nichts zu riechen, nichts zu fühlen und nichts zu sehen – nur ein Stühlchen, auf dem ein kleiner Mann sitzt⁴⁸.

Таким образом, различные виды модальных значений, передаваемые безличными конструкциями русского языка, в немецком языке находят своё выражение посредством использования модальных глаголов и конструкции *sein + zu + Infinitiv*, в семантике которых заложена пассивность субъекта, выступающего в роли подлежащего в именительном падеже.

⁴⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024-08.10.2024)

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.08.2024-08.09.2024).

⁴⁸ Там же.

Особого внимания заслуживают безличные конструкции русского языка, имеющие референцию к событиям будущего – посредством их использования высказывание приобретает пророческий оттенок, например:

(51) *Она загадала – выходило, что ей повезёт вторично*⁴⁹.

(52) *Мы все тогда хорошо понимали, что своими силами **нам не одолеть** фашистов и что единственная страна, которая может – и захочет! – помочь нам в этом – Советский Союз*⁵⁰.

В приведённых примерах можно говорить о «пророческом» будущем: говорящий, употребляя безличную конструкцию, указывающую на будущее время, базируется на своём опыте, формулируя суждение. Можно говорить в данном случае о кодировании инференциальной эвиденциальности: вывод говорящего базируется на его осведомлённости. В немецком языке для выражения этого значения используют, как правило, модализованные конструкции типа *drohen + zu + Infinitiv* или форму *Futur I*. Рассмотрим это на примерах из параллельного корпуса:

(53) *Рассудив подобным образом, Елена Яковлевна пришла к выводу, что разоблачение ей не грозит* (А. Маринина. «Игра на чужом поле»).

(53') *Aufgrund solcher Überlegungen kam Jelena Jakowlewna zu dem Schluß, daß ihr keine Entlarvung drohte* (übersetzt von F. Eder und Th. Wiedling)⁵¹.

(54) *А теперь, когда за неё уголовка взялась вплотную, ей не до смеха будет* (А. Маринина. «Игра на чужом поле»).

(54') *Aber jetzt, wo die Kripo hinter ihr her ist, wird sie nichts zu lachen haben.* (übersetzt von F. Eder und Th. Wiedling)⁵².

В целом можно сделать вывод, что модальные значения свойственны безличным конструкциям русского языка. В немецком языке аналогичное функциональное назначение реализуют двусоставные предложения, в которых субъекту в именительном падеже отводится пассивная роль: функции безличных конструкций в русском языке реализуют модальные глаголы немецкого языка или модализованная конструкция *sein + zu + Infinitiv*.

⁴⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.09.2024).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В публикации была рассмотрена семантика безличных конструкций русского языка и проанализированы условия, при которых прослеживается корреляция безличных, залоговых и модальных форм в немецком и русском языках. К сфере безличных можно отнести предложения не только с глаголами, обозначающими явления природы (*Смеркается* (рус.); *Es dämmt* (нем.)), но и с глаголами, обозначающими психофизическое состояние человека в сочетании с субъектом, имеющим форму косвенного падежа (*Es ist mir eine Ehre* (нем.); *Мне жаль* (рус.)), поскольку при описании состояний такого рода лицо выступает в роли экспериенсера, а его состояние не контролируется им.

В зависимости от передаваемой безличными конструкциями семантики были составлены следующие типы корреляций: 1) Семантика состояния, отношения, оценки, предикаты существования: безличность (рус. яз.) безличность (нем. яз.); 2) стихийное действие: безличность (рус. яз.) пассивный залог (нем. яз.); 3) диспозиционная, деонтическая, волитивная модальность: безличность (рус. яз.) модальные / модализованные глаголы или конструкции (нем. яз.). О структурном соответствии безличных предложений можно говорить в том случае, если речь идёт о семантике состояния, отношения, оценки или о значении существования. В немецком языке сохраняется двусоставность предложения за счёт использования *es*, что нехарактерно для русского языка. *Es* является обязательным не только в безличных предложениях с предикатами, обозначающими явления природы, но и в высказываниях, содержащих предложную группу с субъектом. Если в высказывании передаётся воздействие на объект стихийной силы, можно говорить о корреляции пассивного залога в немецком языке и русского безличного предложения. Безличным конструкциям русского языка свойственны модальные значения. В немецком языке аналогичное функциональное назначение реализуют двусоставные предложения, в которых субъекту в именительном падеже отводится пассивная роль.

В целом можно заключить, что категория безличности соотносится с залоговостью и модальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. Влияние грамматических свойств субъекта и объекта на выбор модальной конструкции (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. №1. С. 6–16.
2. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1955. 391 с.
3. Бабенко Н. С. Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. Т. 19. Смоленск, 2022. С. 29–49.
4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
5. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1950. С. 302–337.
6. Гиро-Вебер М. К определению понятия «субъект» в синтаксисе русского языка // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / под ред. Я. Э. Ахапкина. СПб.: Наука, 2005. С. 333–345.
7. Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 564 с.
8. Казанцева Ю. М. Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. №7. С. 59–66.
9. Котин М. Л. Перцептивные основы грамматической категоризации // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. V / под ред. Д. Б. Никуличевой. М.: Институт языкознания РАН, 2017. С. 9–16.
10. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 215 с.
11. Меняева П. Д., Курмакаева Н. П. Структура и семантика поля безличности в русском языке // Новые горизонты русистики. 2021. №13. С. 62–68.
12. Неद्याлков И. В. Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия // Проблемы функцио-

нальной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 233–243.

13. Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск: Поморский университет, 2007. 295 с.
14. Пупынин Ю. А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 144–152.
15. Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2009. 400 с.
16. Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999. 222 с.
17. Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. 1983. №5. С. 17–24.
18. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 707 S.
19. Abraham W. Zur grammatischen Grundlegung von Modalität – semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation // Funktionen der Modalität / W. Abraham. Berlin: de Gruyter, 2018. S. 25–75.
20. Bartsch W. Tempus. Modus. Aspekt. Die systembildenden Ausdruckskategorien beim deutschen Verbalkomplex. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 1980. 135 S.
21. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 372 S.
22. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: de Gruyter, 1992. 341 S.
23. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004. 242 S.
24. Palmer F. R. Mood and Modality. Second edition. Cambridge Textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 262 p.
25. Pocheptsov G. Quasi-impersonal Verbs in Old and Middle English // Trends in Linguistics / ed. J. Fisiak. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 469–489.

ARTICLE INFORMATION

Author

Anna V. Averina

- e-mail: Anna.averina@list.ru,
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Grammar and History
of the German Language, Faculty of German Language,
Moscow State Linguistic University
ul. Ostozhenka 38str1, Moscow 119034, Russian Federation

For citation

Averina A. V. Functional correlation of impersonal, passive voice and modal forms (based on the material of German and Russian languages). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To describe the functional relationship of impersonal, passive and modal forms in German and Russian.

Methodology. 200 examples selected from the National Corpus of the Russian Language and from the DWDS corpus. Russian and German impersonal sentences were characterized by the descriptive method; the comparative method revealed the specifics of the German and Russian languages in expressing the semantics of state, attitude, evaluation, spontaneous actions and root modal values; the correlation of impersonality, passive voice and modality was revealed by the method of component analysis.

Results. The following types of correlations were compiled and described: 1) semantics of the state, relations, assessments, predicates of existence: impersonality (Russian) → impersonality (German); 2) spontaneous action: impersonality (Russian) → passive voice (German); 3) dispositional, deontic, volitional modality: impersonality (Russian) → modal/ modalized verbs or constructions (German).

Research implications. The publication makes a definite contribution to the development of the concept of the inter-categorical relationship of impersonal, modal and voice meanings. The results obtained can be used in the course of studying the course "Comparative typology of German and Russian languages".

Keywords

impersonality, modality, passive voice, functional correlation, the semantics of impersonality

References

1. Averina A. V. [Influence of grammatical properties of the subject and object on the choice of modal construction (based on the Material of German and Russian)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2023, no. 1, pp. 6–16.
2. Admoni V. G. *Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeczkogo yazy'ka*. [Introduction to the Syntax of Modern German]. Moscow, Izdatel'stvo literatury' na inostranny'x yazy'kax Publ., 1955. 391 p.
3. Babenko N. S. [The phenomenology of impersonality and its syntactic projections in German]. In: *Russkaya germanistika: Ezhegodnik rossijskogo soyuza germanistov. T. 19* [Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Vol. 19. Smolensk, 2022, pp. 29–49.
4. Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki: na materiale russkogo yazy'ka* [Theory of meaning in the system of functional grammar: on the material of the Russian language]. Moscow, Yazy'ki slavyanskoj kul'tury' Publ., 2002. 736 p.
5. Galkina-Fedoruk E. M. [Impersonal sentences in modern Russian]. In: Vinogradov V. V., ed. *Voprosy' sintaksisa sovremennogo russkogo yazy'ka* [Questions of Syntax of Modern Russian Language]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshheniya RSFSR Publ., 1950, pp. 302–337.
6. Giro-Weber M. K. [On the definition of the concept of "subject" in the syntax of the Russian language]. In: *Akhapkina Ya. E. Problemy' funkcional'noj grammatiki. Polevy'e struktury'* [Problems of Functional Grammar. Field Structures]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 333–345.
7. Zaretsky E. V. *Bezlichny'e konstrukcii v russkom yazy'ke: kul'turologicheskie i tipologicheskie aspekty' (v sravnenii s anglijskim i drugimi indoevropskimi yazy'kami)* [Impersonal constructions in the Russian language: cultural and typological aspects (in comparison with English and other Indo-European languages)]. Astrakhan', Izdatel'skij dom «Astraxanskij universitet» Publ., 2008. 564 p.
8. Kazanzeva Yu. M. [Typological dimension of verbal voices in modern German]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2024, no. 7, pp. 59–66.

9. Kotin M. L. [Perceptual bases of grammatical categorization]. In: Nikulicheva D. B., ed. *Grammaticheskie kategorii germanskix yazykov v antropocentricheskoy perspektive: materialy chtenij pamyati V. N. Yartsevoj*. Vyp. 5 [Grammatical categories of Germanic languages in anthropocentric perspective: materials of the readings in memory of V. N. Yartseva. Iss. 5]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2017, pp. 9–16.
10. Lekant P. A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical categories of words and sentences]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet Publ., 2007. 215 p.
11. Menyayeva P. D., Kurmakaeva N. P. [Structure and semantics fields of impersonality in Russian language]. In: *Novy'e gorizonty rusistiki* [New Horizons of Russian Studies], 2021, no. 13, pp. 62–68.
12. Nedyalkov I. V. [English and Russian impersonal constructions: field structures, center and periphery]. In: *Problemy funktsional'noj grammatiki. Polevy'e struktury* [Problems of Functional Grammar. Field Structures]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 233–243.
13. Petrov A. V. *Bezlichnost kak semantiko-grammaticheskaya kategoriya russkogo yazyka* [Impersonality as a semantic-grammatical category of the Russian language]. Arxangel'sk, Pomorskij universitet Publ., 2007. 295 p.
14. Pupynin Yu. A. [Relationships between subject and object with grammatical semantics of predicate in Russian]. In: *Mezhkategorial'ny'e svyazi v grammatike* [Intercategorical relations in grammar]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1996, pp. 144–152.
15. Revzin I. I. *Struktura nemeczkogo yazyka* [Structure of the German language]. Moscow, Ob`edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2009. 400 s.
16. Suleimanova O. A. *Problemy russkogo sintaksisa: semantika bezlichny'x predlozhenij* [Problems of Russian syntax: semantics of impersonal sentences]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999. 222 s.
17. Yartseva V. N. [The problem of variability and the relationship between the levels of the grammatical system of language]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Voprosy yazykoznaniya], 1983, no. 5, pp. 17–24.
18. Abraham W. *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen*. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 2013. 707 S.
19. Abraham W. *Zur grammatischen Grundlegung von Modalität – semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation*. In: Abraham W. *Funktionen der Modalität*. Berlin, de Gruyter, 2018, s. 25–75.

20. Bartsch W. Tempus. Modus. Aspekt. Die systembildenden Ausdruckskategorien beim deutschen Verbalkomplex. Frankfurt am Main, Verlag Moritz Diesterweg, 1980. 135 S.
21. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg, Winter Verlag, 2007. 372 S.
22. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin, de Gruyter, 1992. 341 S.
23. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow, Akademia Publ., 2004. 242 S.
24. Palmer F. R. Mood and Modality. Second edition. Cambridge Textbooks in linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 262 p.
25. Pocheptsov G. Quasi-impersonal Verbs in Old and Middle English. In: Fisiak J. *Trends in Linguistics*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1997, pp. 469–489.